

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Смерть

В ПОДЛИННИКЕ

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Л47   **Леонов, Николай Иванович.**
Смерть в подлиннике / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-194548-0

В Подмоскowie при странных обстоятельствах пропала пенсионерка Алевтина Голикова, в прошлом переводчица и сотрудник советского посольства в ГДР. Женщина отправилась в столицу на своей машине, а перед этим как бы невзначай обронила постояльцам, что теперь исполнится ее заветная мечта — она сделает хороший ремонт и поедет отдыхать на море. Полковник МВД Гуров предполагает, что Голикова собиралась получить большие деньги от своего бывшего коллеги по посольству. Но за что? Возможно, здесь кроется причина ее гибели. Сыщики отрабатывают круг общения жертвы и вскоре приходят к сногшибательному выводу. Повод для убийства несчастной старушки дал сам... великий Рафаэль Санти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194548-0

© Макеев А.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

*ГДР. Восточный Берлин.
Апрель 1985 года.*

- *Открою окно?*
- *Открывай.*
- *Не замерзнешь?*
- *Переживу.*
- *Ты бы разделся.*

Диалог происходил в спальне. Мужчина, сидящий на кровати, держал в руках старую глиняную кружку с отколотым от бортика краем. Он с силой надавил кончиком пальца на место скола, вздрогнул и вопросительно взглянул на женщину, занятую тем, чтобы в помещение как можно скорее попал свежий воздух. Для того чтобы открыть окно, ей требовалось переделать кучу дел. Например, снять с подоконника два цветочных горшка, из которых торчали маленькие смешные кактусы, и перестав-

вить их на туалетный столик. Стопка книг также помешала бы проветриванию, поэтому женщина переместила книги на кровать. Сама кровать была разобрана, одеяло в голубом пододеяльнике смялось вдоль стены, а подушка почему-то оказалась в ногах. Глядя на весь этот бедлам, можно было подумать, что хозяйка только что проснулась и просто не успела убраться.

— Встань, — попросила женщина.

Мужчина подчинился. Он пришел сюда совсем недавно. Его плащ изрядно намок, как и шляпа. На вид ему было около тридцати, и он, считавший ранее, что шляпу носят только солидные и важные люди в возрасте, вдруг открыл для себя всю прелесть этого головного убора. Шляпы он начал носить совсем недавно. Кто-то из знакомых, увидев его в примерочной одного шляпного магазинчика, куда он заскочил шутки ради, сказал, что в шляпе он выглядит отлично, и он увлекся, стал скупать эти шляпы, но в итоге остановился на одной — на той, в которой был и сейчас.

Женщина быстрыми движениями привела кровать в порядок. Набросив на нее покрывало, посмотрела на мужчину:

— Ты бы разделся, что ли.

— Точно. Совсем из головы вылетело.

— Как это может вылететь из головы? —
рассмеялась женщина. — Ты же весь мокрый.

— Не такой уж и сильный на улице
дождь, — парировал мужчина.

— Не верь тому, что видишь. Пластырь
в аптечке, а она в коридоре.

Но прежде чем выйти в коридор, мужчина
показал женщине руку:

— Смотри: кровь. Твоя кружка меня укусила.

Она шагнула к нему, всмотрелась в ранку
и тут же равнодушно пожала плечами:

— Ерунда.

— Твоя кружка опасна для жизни. В прямом
смысле.

— Ей почти триста лет. Она бесценна и не
подпускает к себе недостойных.

— Избавься от нее.

— Ты потом мне спасибо скажешь.

Это походило на флирт. Он и она будто бы
играли друг с другом, причем имя победителя
было известно обоим с самого начала.

Мужчина поставил кружку на край столика.
Женщина тут же подвинула ее ближе к центру.

— Где ты ее раздобыла? — донесся его голос
из коридора. — Здесь нет пластыря.

— Я ездила в Бернау, — ответила женщи-
на, облачиваясь о край подоконника. — Сего-
дня утром.

— Ты так рано проснулась?

— Из-за плохой погоды сегодня там не торговали, — продолжила женщина, — но я на всякий случай решила уточнить у местных. Оказывается, на площади даже в хорошую погоду можно найти далеко не все из того, что обычно раскладывают на прилавках. Очень многое жители хранят дома. Древнюю посуду, например. Или сломанные игрушки, сделанные в начале века. И некоторые этим до сих пор пользуются, представляешь? Но многие жители рады бы избавиться от чего-то, однако им лень торговать. Поэтому все это добро просто пылится на чердаках. Нужно обходить дома и специально интересоваться этим вопросом. Так я попала к фрау Гёццель, а у нее дома нашлось много интересного. Эта кружка, которую ты держишь в руках, передавалась по наследству из поколения в поколение, но сейчас фрау устала от старого хлама в ее доме. Поэтому она была рада меня видеть. Ты нашел пластырь?

— Нет. — Мужчина появился на пороге и молча уставился на свой палец.

— Господи.

— Поищу еще.

Женщина проводила его взглядом и бережно взяла кружку со стола. Ласково провела по ее шершавому боку пальцем. Прикоснулась к ране-

ному бортику, на который обратила внимание еще в доме фрау Гёццель. Она рассказала, что ему тоже много лет, но кружка «родилась» немало раньше.

Гостью фрау Гёццель встретила приветливо, но в глубине души напряглась. Сегодня было воскресенье, часы недавно пробили восемь утра. Она не привыкла принимать в своем доме русских, а тело ее мужа Бенедикта с простреленной головой так и осталось лежать под Курском. Это случилось давным-давно, летом 1943 года, и с тех пор в дом, в котором они должны были прожить долго и счастливо до самой смерти, не зашел ни один посторонний мужчина.

Время, как выяснилось позже, было ужасным доктором, но оказалось умелым санитаром — оно не умело лечить, но терпеливо перевязывало старые раны, оставшиеся в памяти и на сердце. О муже фрау Гёццель вспоминала все реже и лишь изредка замирала, услышав знакомое имя. Четверо детей давно разъехались по разным уголкам Германии, и фрау Гёццель, устав от безделья и изнурительных работ, неожиданно вспомнила о том, что ведь и она тоже может заработать на продаже старинных вещей, которых у нее скопилось ой как много. Среди них отыскалась та самая старинная

кружка, в которую и вцепилась русская женщина.

— Где вы работаете? — спросила фрау Гёццель.

— В посольстве СССР, — тут же ответила гостя и зачем-то добавила: — Я здесь недавно.

— Не очень часто бываю в Берлине, — призналась фрау Гёццель.

— А я очень редко посещаю такие красивые деревни, как ваша, — мягко улыбнулась женщина. — Но все-таки мы встретились. Меня зовут Алевтина.

Фрау Гёццель протянула руку.

— Я Агния, — представилась она и посмотрела в окно, за которым внезапно сильно зашумело. — Дождь стал сильнее, но скоро закончится. Потом снова начнется. И так по кругу, пока не выльется весь.

— Ничего страшного. У меня есть зонт.

Фрау Гёццель покосилась на туфли Алевтины. Потом на ее сумку, в которой зонт вряд ли уместился бы.

— Оставайтесь, если хотите, — со вздохом произнесла она. — Здесь такие лужи, что даже мы стараемся в такую погоду не выходить на улицу. В прошлый четверг, тоже во время дождя, недалеко отсюда в грязи увязла машина,

а вместе с ней и трое здоровенных мужиков, которые старались ее вытащить. Дождь, похоже, надолго. Зачем рисковать?

— А вот возьму и останусь! — тряхнула темными волосами Алевтина и провела рукой над столом, на который хозяйка дома свалила ненужные пепельницы, чашки с отбитыми ручками, пыльные шашки, облезлые деревянные рамки для фотографий и ворох невесомых газовых шарфиков. *— С таким богатством не получится быстро распрощаться. Нет, правда! Я еще на родине интересовалась стариной. Все эти дома, в которых живут призраки, мостовые, по которым ночью стелется странный туман...*

— Наверное, любите бывать в музеях? — поджала губы фрау Гёццель.

— Не люблю. Время там прячется за стеклом, а в воздухе стоит крепкий запах современных духов. Ужасное сочетание. Кроме того, вход в музей всегда платный, и мне это тоже не нравится.

— Полный бардак, — подвела черту фрау Гёццель. *— Вы здесь так рано потому, что хотели попасть на блошинный рынок? Вам бы точно там понравилось. В хорошие дни торговцы плесенью зашибают хорошие деньги. Знакомая разбогатела на кружевах, которые плела ее бабка еще до...*

Они посмотрели друг на друга. Все было понятно без слов. Война закончилась сорок лет назад, но одна из женщин все еще помнила ее, а другая, родившаяся позже, почему-то чувствовала себя виноватой.

— Итак, вы думали, в такой дождь рынок все равно будет работать? — строго спросила фрау Гёццель.

— Надеялась на то, что появится солнце, но поняла, что ошиблась, — с сожалением произнесла Алевтина. — Послушайте, я...

— Вы неплохо говорите по-немецки, — заметила фрау Гёццель.

— Буду рада, если заметите ошибку и поправите меня. — Алевтина умоляюще прижала руку к груди.

— Пока что не было необходимости. Что ж, все, что есть, я принесла. Смотрите.

— Спасибо!

Чуть позже на столе появились маслёнка, пшеничный хлеб и фарфоровые чашки с золотой птичкой, а их-то фрау Гёццель доставала только в особенных случаях. Алевтина без умолку болтала, восхищалась безделушками, записала рецепт тушеной капусты с яблоками и подробно расспросила о ценах на блошином рынке, который работал в Бернау только по выходным. Спустя час или целую вечность фрау Гёц-

цель уже доставала с полки альбом с семейными фотографиями, и через некоторое время Алевтина с интересом заметила, что все женщины в семье очень красивы, а практически все мужчины имеют высокий рост и широкие плечи...

Они расстались через пару часов, но не только непрекращающийся дождь был тому причиной. Алевтина вспомнила, что к обеду должна была приехать на работу. Между ними, как оказалось, обнаружилось много общего. Обе обо- ждали черный чай и сушки с маком, не любили весну из-за капризной погоды и не переносили темное пиво. Узнав, что отец Алевтины тоже воевал во время Великой Отечественной войны, фрау Гёццель не вспомнила про мужа, что по- том показалось ей очень странным. Но она так сильно прониклась симпатией к этой русской переводчице, которая невесть как оказалась в ее доме, что решила так: не нужно им двоим сейчас никаких разговоров о прошлом. Не про- сто так они встретились. Да и девчонка эта, похоже, тоже одинока. Ну разве может такая красавица провести выходной одна, если у нее есть мужчина? Наверняка нет. Если бы был, то почему не привела его с собой? Но ведь не при- вела. И ни слова о нем не сказала.

— Забирайте все, если нравится, — решила фрау Гёццель, равнодушно глядя на разбросан-

ный по столу хлам. — Мне это некуда девать, а вы дома все внимательно рассмотрите.

— Сколько это будет стоить? — растерялась Алевтина и открыла сумочку. — У меня есть немного денег, но хватит только на такси. Но я могу привезти вам деньги позже.

— Не нужно, — остановила ее фрау Гёццель. — Забирайте просто так, а то выброшу. На площадь это все равно не понесу — я не в том положении, чтобы стоять за прилавком и торговать старьем. Для меня это не имеет никакой ценности.

— А эта кружка? Вам же ее муж подарил?

— Всего лишь кружка. Я о ней и забыла. Сейчас смотреть на нее грустно. Когда меня не станет, она никому не будет нужна. Обручальное кольцо и четверо детей — вот то, что мне по-настоящему дорого. Я дам вам коробку, чтобы вы все сложили. Куда вы собираетесь все это девать?

— Оставлю себе, — ответила Алевтина. — Или подарю что-то из этого другу. Он сильно занят и иногда не может составить мне компанию. Он бы вам понравился.

— Не сомневаюсь.

Такси пришлось ловить на дороге уже за пределами деревни. Сев в машину, Алевтина тяжело вздохнула. Трудным был день. Столько

эмоций... Столько сил потрачено на то, чтобы казаться той, которой ее хотели видеть.

— В Берлин? — бросил через плечо немолодой таксист.

— Ну а куда еще? — устало ответила ему Алевтина.

— Мало ли?

— Нет. В Берлин. На Унтер-ден-Линден. А дом я покажу, когда подъедем поближе.

Алевтина специально не стала называть точный адрес, чтобы избежать лишнего интереса к своей персоне. Она давно отпускала такси за квартал от своего дома.

Машина медленно тронулась с места и поехала очень неспешно, словно пробуя на прочность скользкие ухабы, выглядывавшие из глубоких луж. От крыльца своего дома фрау Гёццель было хорошо видно, как Алевтина, аккуратно обходя лужи, чуть не выронила из рук коробку, но потом без приключений дошла до обочины и вскинула руку. Пристально глядя вслед удаляющемуся такси, женщина вдруг четко осознала, что определенно встречала Алевтину и раньше, но до этого момента просто ее не узнавала. Но где она могла ее видеть — не в Берлине же, куда фрау Гёццель выбиралась крайне редко? Она была там в последний раз полгода назад. Если бы они встретились, то она бы запомнила.

Значит, с огромной долей вероятности они могли столкнуться только здесь, в деревне? Но почему тогда Алевтина не сказала о том, что когда-то была в этих местах?

Окончательно запутавшись, фрау Гёццель шмыгнула носом, обняла себя за плечи и поежилась. Дождь закончился, но небо так и не прояснилось. Поднимаясь по деревянным ступенькам к дому, фрау Гёццель поскользнулась, но успела схватиться за перила.

— Черт побери, — испуганно прошептала она. — Вот так свалюсь в кусты и помру там на радость мухам.

А через полчаса дождь начался снова.

Гуров бросил зубную щетку в стаканчик на полочке, насухо вытер руки, включил фен, висевший тут же, на стене в ванной комнате, и направил струю теплого воздуха на запотевшее зеркало. Отражение проявилось тут же. Взглянув на себя, не до конца проснувшегося, но аккуратно причесанного, Гуров задумчиво провел пальцем по подбородку и твердо решил на сегодня завязать с водными процедурами. Щетина была едва заметна, а идет он не на конкурс красоты, а на работу, где каждый второй, которого он встречал в темных коридорах МУРа, уже давно выглядел как лесоруб с Аля-

ски. Ни в прокуратуре, ни на телевидении его сегодня также не ждали, что лишь укрепило желание Гурова хотя бы на время забыть про бритье. В конце концов, и Маша не раз намекала на то, что хотела бы видеть его с бородой.

— Она будет седой, — сопротивлялся тогда Гуров. — Следователь полковник юстиции Санта-Клаус Лев Иванович.

— Стильно, модно, молодежно, — парировала жена.

— Сомневаюсь, что получится омолодиться.

— Боишься? — подстегнула Маша.

— Боюсь, — не стал скрывать Гуров. — Крячко обязательно ляпнет что-нибудь, а Орлова вообще сердечный приступ хватит. Своих беречь надо.

— А если сказать, что это для маскировки?

— Маш, я бы мог так развлекаться двадцать лет назад, но не сейчас.

Но именно этим поздним сентябрьским утром Гуров вдруг осознал, что долгие годы его внешность менялась лишь в одну сторону — к закату. Он настолько сильно привык к одному и тому же, что годами не замечал однообразия. А оно присутствовало в его жизни везде: в гастрономических пристрастиях, во внешнем виде и даже там, где, казалось бы, ему-то точно не грозило зарости мхом, —

в отношении к своей работе. Все повторялось раз за разом, пока не замыкалось должным образом. То, что должно было играть разными красками, выглядело черно-белым и неизбежно приводило к предсказуемому финалу. Даже в их с Машей маленькой веселой семейке давно не случалось никаких перемен, если не считать покупки нового дивана в гостиную.

Гуров пошел на кухню, загрузил кофемашину и наполнил водой чайник.

На шум вышла Маша. Такая же заспанная, каким был Гуров полчаса назад. Со съемок в Испании она привезла пижаму, сшитую из ткани, на которой по желтому полю бегали маленькие желтые мишки, но промахнулась с размером, больше подходящим Гурову. Щурясь, Маша обошла мужа и завернула в ванную комнату, по пути сонно погрозив ему пальцем: ни слова, я сплю, ты меня не видел.

— Чай или кофе? — спросил Гуров.

Вопрос был риторическим. Каждое утро Маша начинала со стакана воды, а завтракала где-то через час после.

— И тебе доброе утро, — пробормотал Гуров и пошел на кухню.

Звонок в дверь заставил его отложить в сторону наполовину съеденный бутерброд.

В коридор вышла и жена, успевшая окончательно проснуться.

— Соседи, что ли? — предположила она.

Гуров посмотрел в глазок и открыл замок. На лестничной площадке стоял его начальник Петр Николаевич Орлов. Вот уж кого Гуров не ожидал увидеть на пороге своей квартиры так внезапно.

— Привет тебе, Лев Иванович, — протянул руку Орлов.

— Через порог не разговаривают. — Гуров отступил в сторону, пропуская в прихожую шефа. — Заходи.

Орлов шагнул вперед и вдруг увидел Машу. Растерялись оба.

— Здравствуйте, — пролепетала Маша. — Ой, я сейчас.

Она мигом исчезла в комнате.

— Напугал я ее, наверное, — предположил Орлов. — Извини, Лев Иванович, если не вовремя.

— Да не напугал, не были мы ничем заняты. Недавно проснулись.

— Поздно легли?

— Встречал ее в Домодедово, рейс задержали на полтора часа из-за погоды. Пока вернулись, пока то да се...

— Понял. Значит, не помешал, — подвел черту Орлов. — Я ненадолго.

В коридоре снова появилась Маша. На этот раз она была не в пижаме, а в джинсах и футболке. И успела собрать волосы в хвост, чтобы перед мужниным начальством выглядеть прилично, а не как эта самая.

— Проходи на кухню, мы там как раз завтракать собирались, — пригласил Гуров. — Не разувайся, Петр Николаевич. Давай, жена, сообрази на троих что-нибудь.

— Не до еды, — отмахнулся Орлов. — Извини, Машенька, что наскоком. Отдашь мужа на пару слов?

— Да идите уже, — разрешила Маша. — А потом все-таки, может, перекусите?

— Уговорили, черти полосатые, — сдался Петр Николаевич. — Но сначала поговорю с твоим мужем. И, Маш, мне сахара две ложки.

— Я помню, — улыбнулась Маша. — И масло на хлеб не мазать, и яичные желтки вам нельзя, а вот омлет из белков можно. Ваш повышенный холестерин, Петр Николаевич, мы тревожить не будем. Всё помню. Идите, я потом позову.

Чтобы не сидеть в духоте, генерал-майор Орлов и Лев Иванович Гуров вышли на балкон.